

УДК 94 (363.6)

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ РИМЛЯН
В БИТВЕ С ГОТАМИ ПРИ АДРИАНОПОЛЕ 9 АВГУСТА 378 Г.¹****TO THE PROBLEM OF THE CAUSES OF ROMAN DEFEAT IN THE BATTLE
OF ADRIANOPLE WITH THE GOTH SIN AT AUGUST 9TH IN 378****С. В. Ярцев
S. V. Yartsev***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125**Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
125 Lenina St., Tula, 300026, Russia**e-mail: s-yartsev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются причины одной из самых грандиозных катастроф Римской империи — битве с готами при Адрианополе 9 августа 378 г., в результате которой погиб весь цвет римской армии, вместе с императором. Откровенная измена и общий распад армии, наравне с чисто военными ошибками командования, безусловно, сыграли свою роль в сокрушительном разгроме римлян. Однако, по мнению автора, основными причинами поражения явились как внутренние политические коллизии, выразившиеся в желании императора непременно заполучить славу победителя варваров, так и зашедшие в тупик стратегические замыслы Валента по отношению к готам и другим народам Северного Причерноморья. Именно крах последних и вызвал такое крайнее ожесточение готов в борьбе против римлян.

Resume. This article deals with the causes of one of the greatest defeats of the Roman Empire - the battle with the Goths at Adrianople on August 9th in 378, resulting in the death of the pick of the Roman army, including the emperor. Blatant betrayal and the general breakdown of the army, along with purely military command errors certainly played a role in the crushing defeat of the Romans. However, in the author's opinion, the main reasons for the defeat, were the internal political conflicts which expressed both in the desire of the emperor to get the glory as the winner of the barbarians, and the stalled strategic plans of Valens against the Goths and other peoples of the Northern Areas near the Black Sea. The breakdown of these peoples caused the Goths' extreme bitterness against the Romans.

Ключевые слова: Римская империя, император Валент, готы, готский вождь Фритигерн, битва при Адрианополе.

Key words: The Roman Empire, Emperor Valens, the Goths, the Gothic leader Fritigern, the Battle of Adrianople.

События противостояния готов с римлянами в период нашествия гуннов, кульминационным моментом которых стала битва при Адрианополе 9 августа 378 г., уже не раз становились объектом исследований. Было отмечено влияние данного сражения на ход военной истории и эволюцию римской армии, тщательно разобраны ошибки в военной тактике римлян и в командовании подразделений, изучены факторы «разложения» армии². Однако на причины столь редкостного

---

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Austin N. Ammianus' account of Adrianople: some strategic observations // *L'Antiquite classique*. 1972. Vol. 15. P. 301-309; Burns T. The Battle of Adrianople: A Reconsideration // *Historia*. 1973. Vol. 22. P. 336-345; Burns T. Barbarians within the gates of Rome: A Study of Roman Military Policy and the Barbarians, ca. 375-425 A.D. Bloomington, 1994. P. 26-33; Pavan M. La battaglia di Adrianopoli (378) e il problema gotico nell'impero romano // *Studi romice*. 1978. Vol. 27. P. 153-165; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989. P. 296-301; Heather P. Goths and Romans AD 332-489. Oxford, 1991. P. 142-147; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994. Т.2. С. 196-209; Nicasie H. Twilight of Empire. The Roman Army from the Reign of Diocletian the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998. P. 233-253; Lenski N. Initium mali Romano imperio: Contemporary reactions to the battle of Adrianople // *Transactions of the American Philological Association*. 1997. Vol. 127. P. 129-168; Lenski N. Failure of Empire: Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley, 2002. P. 336-355; Нефедкин А.К. Тактика готов IV века на примере битвы при Салиции (377 г.) // *Воин. М.*, 2002. № 9. С. 8-11; Wolfgang H. The Roman Empire and its Germanic Peoples. Berkeley, 1997. P. 84-87; Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 183-184; Шуккин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 255-264; Richardot Ph. La fin de l'armée romaine (284-476). Paris, 2005. P. 303-321; Barbero A. The Day of the Barbarians: The First Battle in the Fall of the Roman Empire. New York, 2007. P. 93-111; Kulikowski M. Rome's Gothic Wars. Baltimore, 2007. P. 133-143; Калмыков В.С. Сражение под Адриано-полем 378 г.: закономерное поражение римской армии или ошибка императора Валента? // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология*. 2011. №2. С. 15-23; Дандо-Коллинз С.

ожесточения варваров, которое во многом и привело их к победе, никто из исследователей достойного внимания не обратил. А ведь трагедия при Адрианополе явилась закономерным результатом многолетней ошибочной политики Валента по отношению к своим готским союзникам, которой он, судя по всему, остался привержен до конца. Поэтому такая жестокость варваров вполне может объясняться крахом стратегического курса императора в этой части античного мира.

Еще когда Атанарих пытался воздвигнуть от гуннов «высокие стены от берегов Гераза [Прута] до Дуная» (Amm. Marc., XXXI, 3, 7)³, проримски настроенные тервинги Фритигерна⁴ «отправили посольство к Валенту со смиренной просьбой принять их; они обещали, что будут вести себя спокойно и поставлять вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства» (Amm. Marc., XXXI, 4, 1). Союзники справедливо рассчитывали на статус федератов, однако странное разрешение Валента войти «скифам» «на территорию империи при условии, что они сложат оружие» (Zosim., IV, 20, 5), то есть фактически превратятся в военнопленных и колонов⁵, резко обострило всю ситуацию в регионе. Возможно, у императора действительно не было иного выбора, ведь продолжающийся конфликт на восточном фронте требовал незамедлительных мер по стабилизации ситуации на других участках границы⁶.

Тем не менее, трудно будет назвать адекватными дальнейшие действия римлян на границе, когда при их прямом участии варвары «переправлялись ... целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев» (Amm. Marc., XXXI, 4, 5). Римские же командиры в это время «выбирали хороших женщин, преследовали взрослых юношей с гнусными намерениями и захватывали рабов и крестьян. Посвящая себя только этим занятиям и не заботясь о том, что способствовало общественному благу, римляне легкомысленно позволили большинству варваров перейти границу с незамеченным оружием» (Zosim., IV, 20, 6).

В то время, когда переправившись на территорию Римской империи, тервинги «терпели голод», а алчные римские командиры продавали им собак, за каждую из которых⁷ «они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин», к берегам Дуная приблизился и «Витерик, царь гревтунгов, вместе с Алафеем и Сафраком, которые были его опекунами, а также Фарнобий»⁸ (Amm. Marc., XXXI, 4, 11-12). Разумеется, по причине союзных отношений с империей подошедшие варвары также рассчитывали на «радушный прием», «спешно отправив посольство» к Валенту (Amm. Marc., XXXI, 4, 12). В итоге, воспользовавшись неразберихой на границе, грейтунги смогли сколотить «кое-как лодки» и, переправившись через Дунай, разбить «свой лагерь вдалеке от Фритигерна» (Amm. Marc., XXXI, 5, 3).

Сейчас трудно сказать, кто конкретно стоял за попыткой убийства Алавива⁹ и Фритигерна, исполненной в традиционной римской манере — в ходе приглашения выбранных жертв на пир (Amm. Marc., XXXI, 5, 4-9; Iord. Get., 135-137). Считается, что из-за отсутствия быстрой связи со столицей, римский комит во Фракии Лупиций действовал вполне самостоятельно¹⁰. Однако, подготавливая подобный заговор, Лупиций не мог не осознавать всю величину ответственности за самоуправство. Поэтому не исключено, что нити организации этого убийства все же уходят гораздо

Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М., 2013. С. 600-608; Бьюри Дж.Б. Варвары и Рим. Крушение империи. М., 2013. С. 45-49; Банников А.В. Военно-историческая реконструкция битвы при Адрианополе (9 августа 378 года) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. №3 (16). С. 174-183; Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., 2014. С. 404-416.

³ Атанариху не удалось остановить гуннов. Ночью его передовой отряд во главе с Мундерихом, был обойден гуннами, неожиданно напали на лагерь тервингов (Amm. Marc., XXXI, 3, 5-6). Однако и возведение указанного вала не помогло. Атанариху пришлось уходить в «область Кавкаланда, местность недоступную из-за высоких, поросших лесом гор, выгнав оттуда сарматов» (Amm. Marc., XXXI, 4, 13).

⁴ Количество готов в 200 тысяч чел. у Евнапия (Eunap., fr., 42), разумеется, сильно завышено (Heather P. Goths and Romans ... P. 139; Kulikowski M. Op. cit. P. 130-131).

⁵ Щукин М.Б. Ук. соч. С. 255-256.

⁶ Heather P. Goths and Romans ... P. 128-135; Heather P. The Fall of the Roman Empire: A New History. London, 2005. P. 158-163; Wolfram H. Op. cit. P. 81-82; Kulikowski M. Op. cit. P. 128-130; Halsall G. Barbarian Migrations and the Roman West 376-568. Cambridge, 2007. P. 165-176.

⁷ Иордан утверждает, что римляне действительно продавали готам собаку «дохлятину», «причем, по высокой цене» (Iord. Get., 134). Мнение, что организацией голода римляне пытались контролировать готов, не убедительно (Heather P. Goths and Romans ... P. 140-142; Kulikowski M. Op. cit. P. 130-131). Скорее всего, в том статусе, в котором, по приказу Валента, их пустили на территорию империи, кроме участка пустышей земли, варварам, ничего больше не причиталось (Щукин М.Б. Ук. соч. С. 256). С другой стороны, трудно возразить против мнения, что если ресурсы, с помощью которых можно было бы удовлетворить нужды тервингов, в империи отсутствовали, решение принять чужеземцев явилось в высшей степени неразумным (Голдсуорти А. Ук. соч. С. 405).

⁸ Иногда погребение Арпаш в Паннонии с архаическими пряжками и антропоморфной статуэткой украшенной золотыми пластинами, датируемое периодом D₁ (360/370 – 400/401), связывают с воинством Алафея и Сафрака (Šćukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations / Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400-1000 A.D.): Monographs I. British Archaeological Reports International Series 1535. Oxford, 2006. S. 113).

⁹ Алавив, действительно мог погибнуть в результате данного заговора. Он не упоминается более в источниках (Щукин М.Б. Ук. соч. С. 256). Похоже, что только после его смерти Фритигерн получил власть над всеми тервингами, оказавшимися на территории Римской империи (Вольфрам Х. Ук. соч. С. 110).

¹⁰ Голдсуорти А. Ук. соч. С. 406.

выше, к самому императору Валенту¹¹. В любом случае, все эти трагические события пира в Маркианополе, закончившегося открытым восстанием готов и сражением с отрядом Луциция, не могли не открыть глаза даже наиболее проримски настроенным варварам. Оказывается, они всегда являлись врагами римлян, а последние, если и заключали с ними соглашения и союзы, то только с целью ослабления и последующего уничтожения как их, так и всех их соотечественников. Видимо, из-за осознания этого факта борьба готов с римлянами очень быстро приобрела жестокий и кровавый характер.

Римские провинции «наполнились варварами, грабившими все на своем пути» (Zosim., IV, 20, 7). «Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями» (Amm. Marc., XXXI, 8, 6). Вскоре к варварам присоединились готы-федераты Сфераида и Колии, а также рабочие с золотых приисков и беглые рабы (Amm. Marc., XXXI, 6, 1-7). Есть сведения, что в грабежах принимали участие и шайки тайфалов, аланов и гуннов, многие из которых не подчинялись варварским царям (Amm. Marc., XXXI, 8, 4; 9, 1-5). Фритигерн и другие готские вожди, тем не менее, понимали, что в отличие от пришлых разбойников, интересующихся только грабежами, перед ними стояли другие задачи. Очевидно, что на данном этапе борьбы у готов еще оставалась надежда получить официальный статус федератов, в котором им было изначально отказано Валентом¹².

Император же, не вдаваясь глубоко в готскую проблему, как и раньше, принципиально не собирался уступать. В 377 г. он заключил мир с персами, решив вернуться в Константинополь¹³. Послав впереди себя Профутура и Траяна, которые «были о себе высокого мнения, но не годились для войны» (Amm. Marc., XXXI, 7, 1), император, судя по всему, уже предвкушал славу победителя готов. Более того, по просьбе Валента Грациан¹⁴ отправил на помощь Траяну Фригериду¹⁵, «который подходил с паннонскими и трансальпийскими вспомогательными силами», и комита доместиков Рихомера, выступившего из Галлии: «он вел с собой несколько когорт, которые, однако, были таковыми только по названию, так как большая часть людей дезертировала по совету, — как ходили слухи, — Меробавда, опасавшегося, чтобы лишенная охраны Галлия не подверглась опустошению с того берега Рейна» (Amm. Marc., XXXI, 7, 3-4).

Жестокая битва готов с римлянами при Салиции в конце лета 377 г., однако, вскоре все расставила на свои места. «Все поле битвы покрылось телами убитых; среди них лежали полуживые, тщетно цеплявшиеся за надежду сохранить жизнь, одни — пронзенные свинцом из пращи, другие — окованной железной стрелой, у некоторых были рассечены головы пополам, и две половины свешивались на оба плеча, являя ужасающее зрелище. Не истомившись еще в упорном бою, обе стороны взаимно напирала друг на друга с равными шансами; крепость тела не сдавалась, пока возбуждение бодрило силы духа». Только «склонявшийся к вечеру день прекратил смертоубийственную брань: не соблюдая никакого порядка, все расходились, куда кто мог, и уцелевшие в унынии вернулись в свои палатки. Некоторые из павших, люди высших рангов, были преданы погребению, насколько позволяли это условия места и времени; хищные птицы, привыкшие в ту пору кормиться трупами, сожрали тела остальных, о чем свидетельствуют и до сих пор белеющие костями поля» (Amm. Marc., XXXI, 7, 14-16).

Римляне понесли «тяжелый урон» и «после столь печального исхода сражения ... отошли в недалеко отстоящий Маркианополе» (Amm. Marc., XXXI, 7, 16; 8, 1). Срочно посланный Валентом «на помощь Профутуру и Траяну» (Amm. Marc., XXXI, 8, 3) магистр конницы Сатурнин, в сложившейся ситуации, мало что мог предпринять. Блокада варваров на территории «между Истром и пустынями» (Amm. Marc., XXXI, 8, 1), не удалась из-за подхода к готам подкрепления, и Сатурнин был вынужден отступить, отдав Фракию на разграбление варварам: «повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми» (Amm. Marc., XXXI, 8, 6).

В связи с осложнением ситуации Валент решает передать общее командование «Себастиану, полководцу весьма осмотрительному, который незадолго до этого был прислан по его просьбе, из Италии» (Amm. Marc., XXXI, 11, 1). Варвары к этому времени «нагруженные богатой добычей ... вернулись из областей Родопы в окрестности Адрианополя» (Amm. Marc., XXXI, 11, 2). В сам же город «форсированным маршем» срочно вошел новый командующий. Ночью ему даже удалось напасть «на не успевшего выстроиться неприятеля. Он нанес готам такое поражение, что перебиты были почти все, кроме немногих, кого спасла от смерти быстрота ног, и отнял у них огромное количество добычи, которой не мог вместить ни город, ни просторная равнина. Фритигерн был страшно поражен этим и опасался, чтобы этот полководец, отличавшийся, как он часто слышал,

¹¹ Heather P. Goths and Romans ... P. 140-142; Heather P. The Fall of the Roman Empire ... P. 164-165.

¹² Вольфрам Х. Ук. соч. С. 182.

¹³ Голдсуорти А. Ук. соч. С. 410.

¹⁴ Грациан приходился старшим сыном умершему в 375 г. Валентиниану. Он контролировал западные земли империи. Италия и Северная Африка находились в это время под властью младшего сына Валентиниана — Валентиниана II, провозглашенного августом местной аристократией в 375 г. (Голдсуорти А. Ук. соч. С. 393-395).

¹⁵ «Подрага задержала Фригериду, или впрочем — как сочинили зложелательные его завистники — он воспользовался болезнью, как предлогом, чтобы не участвовать в жестоких сечах» (Amm. Marc., XXXI, 7, 5).

быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями рассеявшиеся повсюду отряды готов, занятых грабежом. Он приказал всем отойти назад и быстро отступил к городу Кабиле» (Amm. Marc., XXXI, 11, 3-5). Себастиан же послал Валенту письменное донесение о своей победе, «которое он старался раздуть пышными словами» (Amm. Marc., XXXI, 12, 1). На западе к этому времени Грацианом были разгромлены лентиензы (Amm. Marc., XXXI, 10, 1-17).

Император Валент, которого стали беспокоить победы своих соратников, срочно выступил из Мелантиады, торопясь сравниться каким-нибудь славным делом, в первую очередь, с молодым племянником, доблести которого особо «раздражали его». Положение усугублялось тем, что «он находился во главе армии, составленной из разных войск, которая внушала к себе доверие и была воодушевлена бранным духом» (Amm. Marc., XXXI, 12, 1). Поэтому, как только ему донесли, что недалеко от Адрианополя находятся варвары численностью всего десять тысяч человек, «император с лихорадочной поспешностью» поспешил им навстречу (Amm. Marc., XXXI, 12, 3).

По нашему мнению, очевидно, что в сложившейся ситуации, как и в совсем недавних событиях, внутренние политические коллизии вновь взяли верх. И это несмотря на то, что Валент какое-то время все же вел себя осмотрительно, отозвавшись, например, преследовать готский отряд. По мнению А.В. Банникова, это произошло по причине получения им более точной информации о численности войска варваров, после чего он решил дожидаться в Адрианополе Грациана с западной армией, письмо от которого доставил Рихомер¹⁶. Однако в конечном итоге вновь победило «злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, — как они это себе представляли, — Грациана» (Amm. Marc., XXXI, 12, 7). Возможно, здесь плохую услугу сослужили и успехи нового главнокомандующего Себастиана в его борьбе с готами, навлекшие на него зависть придворных, «которая переросла в ненависть. В конце концов, дворцовые евнухи, которых подстрекали те, кто был лишен командования, оклеветали Себастиана перед императором» (Zosim., IV, 23, 5). Даже Аммиан Марцеллин заклеил его в своем труде, отметив, что именно Себастиан настаивал «чтобы немедленно вступить в бой» (Amm. Marc., XXXI, 12, 6). Тем не менее, Зосим пишет, что тактика Себастиана заключалась, наоборот, в продолжении войны, «используя маневры и засады до тех пор, пока ослабленный нехваткой провизии враг либо сдастся, либо уйдет с римской территории, предпочтя сдаться гуннам, чем подвергнуться бесславной и мучительной кончине по причине голода»¹⁷ (Zosim., IV, 23, 6). Именно противники главнокомандующего жаждали, «чтобы император наступал всеми силами, подстрекали последнего вести войну, утверждая, что варвары почти полностью уничтожены» (Zosim., IV, 24, 1). Мнение же осторожного магистра всадников Виктора, сармата по происхождению, что следует хотя бы «подождать сопровителя, что, присоединив к себе подмогу в виде галльских войск, легче раздавить варваров, пылавших высокомерным сознанием своих сил» (Amm. Marc., XXXI, 12, 6), было полностью проигнорировано.

Фритигерн же, со своей стороны, тянул время, затеяв переговоры с участием своего посланника — христианского священника, который передал Валенту его требование отдать готам, видимо под статус федератов, Фракию «со всем скотом и хлебом» (Amm. Marc., XXXI, 12, 8). Вероятно, это был последний шанс решить все мирным путем. Трудно, таким образом, не согласиться с Х. Вольфрамом, что предложение Фритигерна было вполне достоверно и логично¹⁸. Скорее всего, именно после того, как ему вновь было отказано в данной просьбе, а посольство «отпущено ни с чем» (Amm. Marc., XXXI, 12, 9), планы готского вождя резко изменились. Вот почему следующее посольство с просьбой о мире уже в день битвы¹⁹ вполне могло быть вызвано тем, что «готы нарочно медлили, чтобы за время этого обманного перемирия могла вернуться их конница» (Amm. Marc., XXXI, 12, 13), ведь «часть их сил с Алафеем и Сафраком, находившаяся далеко, хотя и была вызвана, еще не прибыла» (Amm. Marc., XXXI, 12, 12). Тем более, что «варвары пришли в ужас от страшного лязга оружия и угрожающих ударов щитов» римлян «один о другой»²⁰ (Amm. Marc., XXXI, 12, 12), правда, и сами в это время исполняя «по своему обычаю дикий и зловещий вой»²¹ (Amm. Marc., XXXI, 12, 11).

Трудно сказать, насколько искренен был Фритигерн, отправивший к Валенту в самый критический момент еще «одного простого гота в качестве переговорщика с просьбой прислать ему

¹⁶ Банников А.В. Ук. соч. С. 178.

¹⁷ Не исключено, что Зосима ввело в заблуждение его уважение к Себастиану, этому старому полководцу Юлиана (Зосим. Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 176, прим. 1) или же Зосим просто спутал Себастиана с Сатурнином, руководившим римскими войсками после битвы при Салиции, как предположил А.В. Банников (Банников А.В. Ук. соч. С. 176).

¹⁸ Вольфрам Х. Ук. соч. С. 182.

¹⁹ «Император из-за простого вида отнесся к ним с презрением и потребовал, чтобы для заключения договора были присланы подходящие для этого знатные люди» (Amm. Marc., XXXI, 12, 13).

²⁰ Возможно, этим шумом, неготовые к сражению римляне сами пыгались ввести в заблуждение варваров (Щукин М.Б. Ук. соч. С. 259). Пройдя несколько часов «по каменистым и неровным дорогам» в знойный день, римляне только начинали строиться в боевой порядок. Варвары же, укрепившись в своем лагере с помощью телег, расставленных «в виде круга», мешали им это сделать, начав разжигать везде костры (Amm. Marc., XXXI, 12, 10-13).

²¹ Возможно, тем самым, варвары «грубыми голосами возглашали славу предков» (Amm. Marc., XXXI, 9, 11).

как можно скорее выбранных лиц как заложников, и давал ручательство выдержать угрозы своих соплеменников» (Amm. Marc., XXXI, 12, 14).

С одной стороны, обещания «внушавшего страх вождя», на этот раз все же повлияли на Валента, найдя у него «похвалу и одобрение» (Amm. Marc., XXXI, 12, 14). Возможно, Фритигерн действительно опасался «переменчивости боевого счастья» и хитро рассчитывал «всякие виды на будущее» (Amm. Marc., XXXI, 12, 14), ведь империя должна была стать новой родиной для его народа, и римская кровь, пролитая готами, могла этому помешать. Более того, самому готскому вождю, как справедливо считает Х. Вольфрам, в нормально функционирующей системе римского государства, была уготована лучшая карьера, чем на опустошенных его варварами территориях²².

Однако, с другой стороны, переговоры, затеянные Фритигерном, в сложившейся ситуации более походили на хитрость, призванную дезорганизовать новым ложным перемирием военное командование и уставших длительным переходом солдат, и тем самым, обеспечить внезапность своего удара по ним. Не исключено, что Фритигерн действительно хотел занять высокий пост в администрации империи²³ и укрепить, таким образом, свою власть над соплеменниками-федератами. При этом, зная об истинной роли Валента в недавних событиях, в которых последний занимал крайне враждебную по отношению к готам позицию, он понимал, что добиться такой цели можно было только при новом императоре. Пролитая кровь уже не давала никаких шансов для поиска компромисса и мирного урегулирования конфликта между Валентом и Фритигерном. Поэтому действия готского вождя, возможно, во многом движимые банальной мстью, вполне могли быть направлены именно на физическое устранение Валента и его ближайшее окружение, враждебное готам.

Более того, на каком-то этапе Фритигерн мог вообще перестать рассчитывать на договор с римлянами и принять решение уйти с богатой добычей за Дунай, продолжив там борьбу с Атанарихом. Именно это объясняет повальные грабежи и массовый захват римского добра готами. В таком случае, главной целью намечающейся битвы варваров с императорской армией могло стать желание готов завладеть Адрианополем, так как они знали «от перебежчиков, что там ... находились отличия императорского сана и казна Валента» (Amm. Marc., XXXI, 15, 2).

Если же говорить о Валенте, то уже сам марш-бросок его армии перед решающей битвой в полном вооружении по страшной жаре без обоза и фуража, свидетельствует о неумном желании императора именно в этот день стяжать лавры победителя. Только одержать победу без генерального сражения в данной ситуации вряд ли было возможно²⁴. Валенту необходима была слава именно победителя варваров, а так как он продолжал видеть в готах лишь колоннов и рабов, отказывая им в статусе федератов, то добиться ее он мог только военным путем. То, что Фритигерн в своем тайном письме, переданном со священником, предложил Валенту лишь показать готам на близком расстоянии римскую армию в боевом снаряжении и страхе, который вызывает имя императора, лишить их боевого задора (Amm. Marc., XXXI, 12, 9), могло являться хитрой уловкой готского вождя заманить Валента и его армию под удар своей конницы. Обратим внимание, что данное послание священник передал Валенту только после того, как не получило поддержки императора требование Фритигерна о передаче готам Фракии.

Тем не менее, к готам отправился Рихомер²⁵, «считая такое дело достойным и подходящим для храброго человека» (Amm. Marc., XXXI, 12, 15). Только случайно начавшиеся военные действия римлян с готами не позволили ему выполнить эту важнейшую задачу²⁶. Существует мнение, что в случае успеха данных переговоров битвы могло и не произойти²⁷. По нашему мнению, огромная обида и озлобление бывших союзников на императора Валента не оставляли не единого шанса на успех такой миссии. Остановить надвигающую трагедию обычными переговорами было уже невозможно.

Более того, необходимо учитывать, что если Фритигерн действительно специально разбил лагерь на таком расстоянии одного перехода от Адрианополя, которое можно было пройти только с большим напряжением сил²⁸, то тогда он абсолютно точно затягивал время ложными переговорами, дожидаясь подкрепления, и одновременно заманивая к своему лагерю Валента, рассчитывая полностью уничтожить императора и его армию до подхода сил Грациана. Косвенно на такой вариант развертывания событий может указывать довольно странное совпадение мирной миссии

²² Вольфрам Х. Ук. соч. С. 183.

²³ Barbero A. Op. cit. P. 172-173.

²⁴ Банников А.В. Ук. соч. С. 179.

²⁵ Родственник Валента трибун Эквиций, управлявший дворцом, отказался от данной миссии, мотивируя это тем, что уже находился в плену у готов «и сбежал от них у Дибальта, а поэтому боялся раздражения с их стороны» (Amm. Marc., XXXI, 12, 15).

²⁶ Причина неожиданной атаки готских рядов римскими воинами под командованием Бакурия и Кассиона, возможно, была связана не просто с «солдатской батальей», которая нередко происходит на передовой (Richardot Ph. Op. cit. P. 319). Не исключено, что римляне на этом участке неожиданно увидели приближающую варварскую кавалерию и лихорадочно попытались предпринять какие-то ответные меры (Shchukin M., Shuvalov P. The Alano-Gothic cavalry charge in the battle of Adrianopole // Geografia e viaggi nel mondo antico. Ancona, 2007. P. 244).

²⁷ Шукин М.Б. Ук. соч. С. 262.

²⁸ Банников А.В. Ук. соч. С. 179.

Рихомера с начавшимся стихийным боем римлян с готами и практически одновременным (максимум через несколько минут)²⁹ натиском гото-аланской конницы Алафея и Сафрака (Amm. Marc., XXXI, 12, 17).

Судя по всему, в сражении при Адрианополе 9 августа 378 г. неожиданный удар именно этой конницы решил исход всей битвы³⁰. «Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути» (Amm. Marc., XXXI, 12, 17). После такой стремительной атаки и последующего побоища римлян «уцелела, как известно, только треть войска» (Amm. Marc., XXXI, 13, 18). Не вызывает сомнений, что внезапность удара варварского конного войска была тщательно подготовлена. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Алафей и Сафрак подошли к месту сражения с той стороны, которая была вне досягаемости римских разведчиков.

Более того, Алафей и Сафрак в качестве прикрытия могли использовать высокие холмы, закрывавшие видимость римлянам, и предусмотрительно проложить свой маршрут по влажной почве, двигаясь по ней в прогулочном темпе, а не галопом, чтобы не поднять тучи пыли³¹. «При первом же натиске готов отряды римских всадников были приведены в замешательство и оставили без прикрытия ряды пехоты. Вскоре пехотные легионы были со всех сторон окружены конницей врагов и сначала осыпаны тучами стрел, а затем, когда они, обезумев от страха, врассыпную бежали по трудно проходимым путям, они погибли, перебитые мечами и копьями преследователей» (Oroz. Hist. VII, 33,13). Однако особенность сражения была не только в этом. Обращает на себя внимание, что битва с самого начала отличалась крайним ожесточением. «Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, и равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас» (Amm. Marc., XXXI, 13, 4).

«Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся» (Amm. Marc., XXXI, 13, 10).

«Сражение превратилось почти в сплошное избиение римлян. Император бежал с несколькими приближенными в незащищенную деревню³². Враги загромоздили все подступы к этой деревне бревнами и подожгли их, превратив в пепел и тех, кто нашел там убежище, и обычных жителей. Тело императора так и не было найдено» (Zosim., IV, 24, 2).

Однако такая смерть спасла императора «от позора пленения, ...когда они ... сожгли хижину вместе с людьми. Один из кандидатов, выскокший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства» (Amm. Marc., XXXI, 13, 14-16).

Откровенная измена и общий распад армии, наравне с чисто военными ошибками командования, безусловно, сыграли свою роль в сокрушительном разгроме римлян.

Однако нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Валент, попавший вместе со своей армией в ловушку, расставленную ему готским вождем, фактически стал жертвой своей же политики, которую он настойчиво проводил все последние годы в этой части античного мира.

Поэтому, по нашему мнению, основными причинами поражения явились как внутренние политические коллизии, выразившиеся в желании императора непременно заполучить славу победителя варваров, так и зашедшие в тупик стратегические замыслы Валента по отношению к готам и другим народам Северного Причерноморья.

Именно крах последних и вызвал такое крайнее ожесточение готов в борьбе против римлян.

Надо сказать, что данное обстоятельство не прошло незамеченным современниками. Аммиан Марцелин, комментируя попытку римского командования противопоставить варварам приведенные из Армении легионы, которые не раз с успехом были «проверены в боевых трудах», с горечью заметил, что «эти легионы еще не испытали, что может совершить неукротимая ярость в сочетании с отчаянием» (Amm. Marc., XXXI, 7, 3).

²⁹ Shchukin M., Shuvalov P. Op. cit. P. 244.

³⁰ Древние авторы не оставили нам сведений о численности противоборствующих армий. По мнению Ф. Ришардо, армия Валента насчитывала семь подразделений, от 700 до 1000 чел. в каждом, конница же не превышала 3000 чел. Войско готов было, по его мнению, многочисленнее: 10000 насчитывала пехота, и 5000 конница (Richardot Ph. Op. cit. P. 312-313). Однако, по недавним расчетам А.В. Банникова, при Адрианополе столкнулись гораздо более значительные силы. Армия Валента насчитывала не менее 45-50 тыс. солдат, готов же было порядка 60-80 тыс. чел. (Банников А.В. Ук. соч. С. 174-177).

³¹ Shchukin M., Shuvalov P. Op. cit. P. 245.

³² Попытка спасти «покинутого оруженосцами императора» силами батавов, находившихся в резерве, не увенчалась успехом. Комит Виктор, поспеивший к ним, «никого не смог найти, и на обратном пути сам ушел с поля боя» (Amm. Marc., XXXI, 13, 9).